

© 2012 г. *О.А. Гаранян*

УДК 81

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ АДРЕСАТА В НЕФОРМАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Анализ научной литературы свидетельствует, что термин «стратегия» понимается в современной лингвистике как:

- принцип конструирования процессно–ориентированной модели интерпретации дискурса [1];
- когнитивное основание реализации речевого действия [2];
- принцип построения коммуникации [3];
- оптимальное средство достижения успешности высказывания [4];
- глобальная модель организации межличностного общения [5];
- попытка изменения модели мира собеседника, трансформировать его концептуальное сознание [6];
- способ эффективного/неэффективного взаимодействия рефлектирующей личности с объективной действительностью [7].

Частной формой реализации коммуникативной стратегии выступает тактика. О.С. Иссерс отмечает, что «именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц» [8, с. 111], аргументируя это тем, что «всегда найдется пример речевых действий (и не один), с трудом подводимый под какой–либо тип речевого акта или речевого жанра» [8, с. 105].

Система коммуникативных стратегий, разработанная Р. Лакофф, предполагает выбор средств воздействия любого языкового уровня. Совмещение средств воздействия, принадлежащих к одному языковому уровню и которые потенциально не допускают стилистического варьирования, приводит к выбору других средств воздействия, более гибких в плане вариативной реализации. Р. Лакофф анализирует коммуникативные стратегии не как элементы

некоторой иерархической системы, а как «точки в континууме стилистических предпочтений говорящей личности» [9]. Один из рубежей данного континуума представляет собой применение максим Грайса [10], которые в концепции Р. Лакоффа именуется как «Правила ясности» («Rules of Clarity»). В данной точке континуума важным оказывается только содержание сообщения; собеседники еще не оказываются вовлеченными в сферу диалога между собой. Другим рубежом континуума является принцип дружеского отношения к собеседнику, с помощью которого моделируются речевые ситуации эмоциональной вовлеченности участников диалога как в отношении к совместным потребностям, так и темы беседы.

В рамках неформального интервью решение говорящего относительно того, какую коммуникативную стратегию применить в данной речевой ситуации и в каких допустимых пределах предопределяет стиль общения. Данный стиль складывается из конкретного диапазона стилистических предпочтений говорящего, определенной степени дружеского отношения к собеседнику и одновременной социальной дистанции с ним. Понятие каждого из собеседников о потенциальной уместности той или иной коммуникативной стратегии в данной речевой ситуации определяется пресуппозициями участков диалога, их предшествующим опытом общения.

Коммуникативная стратегия, по своей сути, всегда ограничена речевой ситуацией: говорящий осуществляет выбор из возможного арсенала языковых возможностей и их речевых реализаций. Этот выбор, в свою очередь, ограничен устоявшимся в данной социокультурной общности коммуникативным диапазоном средств и возможностей воздействия на своего собеседника. Другими словами, коммуникативная стратегия ограничена рамками нормативного коммуникативного поведения, представляющего собой «...поведение, принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива» [11, с. 11].

Участник неформального интервью пытается действовать по устоявшимся в социуме правилам коммуникативных ролей говорящего и слушающего, формулам социального общения. Они являются важными прагматическими сигналами для собеседников, регулируют их отношения и реализуют конкретные коммуникативные задачи. Их игнорирование приводит к нарушению

разговорных максим – максим общения. Это своего рода статические компоненты в языке общения, которые наиболее полно вобрали в себя прагматику данного языкового коллектива. Подобные правила были выработаны для того, чтобы в сфере межличностного взаимодействия оказалось возможным достижение общих целей общающихся.

Речевые ситуации, которые мы можем рассматривать как примеры реализации коммуникативных стратегий, предстают как целесообразное единство языковой и экстралингвистической деятельности собеседников. Языковое выражение употреблено правильно, если цель адресанта, направленная на взаимопонимание с партнером по диалогической коммуникации, при произнесении данного выражения хотя бы частично достигнута. Таким образом, стратегии направлены на успешность коммуникации. Сглаживание расхождений между собеседниками, определяемых их личными целеполаганиями, в условиях диалогического взаимодействия имеет межконвенциональный характер: в конкретной ситуации общения каждый раз вырабатывается новая конвенция согласования позиций партнеров, происходит расширение их индивидуальной картины мира новыми концептами, что дает возможность вести диалог дальше.

И здесь уже проявляется взаимосвязь общества и языка в обратном направлении: язык есть в идеале действенное средство сохранения единства и целостности общества, позитивного микроклимата в отдельной его ячейке. А отсюда прагматическая интерпретация и моделирование языка в современных лингвистических исследованиях. Язык – прежде всего в форме неформального интервью – предстает неременным условием социализации личности, освоения социальных ролей, формирования ее ценностных предпочтений и мировоззренческих ориентаций, обеспечивающих более совершенные формы социального быта. «Посредством речи, – пишет по этому поводу О. Розеншток–Хюсси, – общество укрепляет свои оси времени и пространства. Эти оси времени и пространства задают направление и ориентацию всем членам общества... Без дорожных указателей речи социальный улей рассыпался бы в одно мгновение» [12, с. 19]. Язык, таким образом, становится положительной предпосылкой свободной и самостоятельной адаптации личности к объективной реальности, формированию ее бытия в мире и ее культуры.

Основой принятия речевых решений относительно оптимальной в данной диалогической ситуации коммуникативной стратегии предстает индивидуальная картина мира говорящего, сформированная системой его ментальных репрезентаций и включающая в себя условия доказуемости, истинности, уместности, допустимые в данном социокультурном сообществе. В речевом отношении говорящая личность свободна в том смысле, что она не подвержена определенным побуждениям извне, а самостоятельно осуществляет поиск правильного речевого решения, причем поиск этот протекает не без альтернативы, поскольку в его основе лежит возможность позитивного выбора наиболее уместного в данной ситуации способа воздействия на собеседника.

Другими словами, коммуникативная стратегия – это результат осмысления говорящей личностью стандартных речевых формул, направленных на взаимопонимание собеседников. Вступив в противостояние с языковой реальностью, говорящий приходит к необходимости добровольного принятия его требований. Произведя выбор языковых средств для воздействия на партнера по диалоговому взаимодействию, говорящий уже не свободен в речевом отношении, а попадает под власть избранных языковых правил. Сделав выбор, он стремится не утратить свою идентичность, делает язык «штрихом» к своему портрету, неявно и, возможно, подсознательно передавая информацию о своем происхождении, эмоциональной предрасположенности, личных пристрастиях и ментальном потенциале.

На основе частных социокультурных критериев ведения неформального интервью формируется диапазон неких речевых средств для целенаправленного управления коммуникативным процессом, обладающих определенной нейтральностью по отношению к различным пользователям. В обычных условиях общения культурная память социума содержит речевые выражения, которые имеют для представителей даже весьма различающихся слоев языкового сообщества примерно одинаковое значение. Совокупность подобных средств организует общий «фон», на котором и осуществляются конкретные акты межличностного общения. Язык, таким образом, является одновременно и универсальным, и индивидуальным.

В условиях реального общения множество коммуникативных актов осуществляется между представителями качественно различающихся социальных слоев, для которых характерно несовпадение критериев успешности осу-

ществляемых усилий. А поэтому «фон» межличностного общения складывается из абсолютно не однородных элементов. Да и в условиях общения представителей одной социальной общности ими преследуются разные цели, по-разному оценивается как собственное речевое поведение, так и речевые поступки своих собеседников.

Все это обуславливает расхождения в позициях и ожиданиях каждой отдельной говорящей личности. Обнаружение подобных расхождений оказывается возможным лишь по отношению к неким общим основаниям. Только при таком условии можно определить локальные речевые позиции участников диалога. К тому же семантическая гибкость языковых средств, проявляющаяся в процессе выражения коммуникативной установки в результате их разноуровневого взаимодействия, обеспечивает собеседников возможностью трансформировать эти средства и таким образом наиболее адекватно выражать свое отношение к адресату и стимулировать его адекватную реакцию.

Вступая в диалог, говорящая личность рассматривает свою позицию как «центральную», совмещаемую с общим фокусом общения. Позиции партнера по коммуникации ранжируются каждым из собеседников с собственной точкой зрения. Пересекаются ли намерения моего собеседника с моей собственной позицией, вступают ли они с ней в конфликт или оказываются нейтральными? В когнитивном сознании интервьюируемого данные вопросы определяют образ локальной ситуации, воздействующий на выбор коммуникативной стратегии в каждой конкретной ситуации. Следовательно, и степень полноты взаимного предъявления участниками неформального интервью своих речевых намерений и коммуникативных установок по отношению друг к другу.

Жанр неформального интервью становится прагматической сферой реализации одновременно двух функций реплики интервьюируемого: сообщения и воздействия. Последняя функция наиболее ярко проявляется в публицистическом стиле, где основной целью является убеждение адресата в своей правоте и принятие им точки зрения отправителя текста. При этом данная цель достигается в публицистике как путем логической аргументации, так и через эмоциональное воздействие. Оба этих способа воздействия широко используются и в жанре неформального интервью, что в этом отношении сближает данный жанр с публицистикой.

Понятие активного вовлечения собеседника в неформальный спонтанный диалог предполагает эстетическую реакцию, которую можно определить как контекстнопроизводное чувство состыковки различных смыслов в конкретном реагирующем высказывании интервьюируемого на реплику интервьюера. Постигание смысла через когерентность дискурсивных ограничений, а также восприятие себя как связующего звена в диалогическом взаимодействии ситуативно порождает эмоциональный опыт проникновения в суть смысла реплики собеседника, связанности с моделируемой речевой ситуацией, элементом которой выступает собеседник. По мере развертывания межличностного взаимодействия с данным собеседником данный опыт уточняется, корректируется под влиянием конвенций, социальных схем, интенциональной структуры и модальности неформального интервью. Это оптимизирует участие интервьюируемого в диалогической интеракции с интервьюером.

Состыковка различных смыслов и вовлечение интервьюера в неформальную беседу предстают дискурсивными целями интервьюируемого, а при благоприятном стечении коммуникативных обстоятельств перлокутивным результатом спонтанного интервью, когда реагирующий собеседник удачно порождает смыслы через общепризнанные коммуникативные стратегии. Общепризнанный характер данных стратегий делает спонтанный дискурс и порождаемый в нем смысл последовательным, связанным, гармоничным, позволяет реализовать смысл посредством игры известных дискурсивных моделей. Напряжение между фиксированным и новым, которое конструирует творческое начало в ведении беседы, «матасообщение» взаимопонимания между участниками интервью, которые посредством этого разделяют коммуникативные конвенции и в равной степени усваивают дискурс «другого».

Тексты неформального интервью предназначены для публикации в популярных иллюстрированных журналах. В связи с этим стратегии активного вовлечения собеседника в спонтанную беседу распространяют свое прагматическое действие не только на интервьюера, но и на последующих читателей. Другими словами, данные стратегии – через модели звука и смысла – актуальны как для устного, так и письменного дискурса. Эмоциональное вовлечение собеседника в диалог являются необходимыми условиями реализации неформального спонтанного интервью как жанра. Для данного жанра характерен двойственный собеседник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lehnert W. G. Plot Units: a Narrative Summarisation Strategy // *Strategies for Natural Language Processing*. Hillsdale; New Jersey, 1982.
2. Аникин Е.Е. Речевые стратегии сопоставления и акцентирования (на материале российской и американской коммерческой рекламы) // *Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всерос. науч. конф.* Екатеринбург, 2005.
3. Сибирякова С.Н. Реализация коммуникативной стратегии убеждения в структуре немецкоязычных писем–прошений XIX века // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. Барнаул, 2008. Вып. 5.
4. Коробова Н.В. Речевые интенции и стратегии говорящего в эмоционально-оценочном дискурсе // *Язык. Культура. Коммуникация: материалы международной научной конференции 18–20 апреля 2006 года*, Волгоград. Ч. 3. Волгоград, 2006.
5. Шеина И.М. Лингвистические предпосылки успешности межкультурной коммуникации. М., 2009.
6. Баламакова А.В. Коммуникативно–прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010.
7. Вознесенская Ю.В. Скрытые речевые средства ведения политической борьбы в немецкой политической коммуникации (на материале дебатов в Бундестаге) // *Вестник СПбГУ*. 2010. Сер. 9. Вып. 1.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
9. Lakoff R. Stylistic Strategies within a Grammar of Style // *Language, Sex, and Gender*. *Annals of the New York Academy of Science*. 1979. Vol. 327.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика.

11. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000.
12. Розеншток–Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.

LITERATURE

1. Lehnert W. G. Plot Units: a Narrative Summarisation Strategy // Strategies for Natural Language Processing. Hillsdale; New Jersey, 1982.
2. Anikin E.E. Rechevye strategii sopostavleniya i akcentirovaniya (na materiale rossiiskoi i amerikanskoi kommercheskoi reklamy) // Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke: Materialy Vseros. nauch. konf. Ekaterinburg, 2005.
3. Sibiryakova S.N. Realizaciya kommunikativnoi strategii ubezhdeniya v strukture nemeckoyazychnyh pisem→proshenii XIX veka // Trudy molodyh uchenyh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Barnaul, 2008. Vyp. 5.
4. Korobova N.V. Rechevye intencii i strategii govoryashego v emotivno→cenochnom diskurse // Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii 18→20 aprelya 2006 goda, Volgograd. Ch. 3. Volgograd, 2006.
5. Sheina I.M. Lingvisticheskie predposylki uspehnosti mezhkul'turnoi kommunikacii. M., 2009.
6. Balamakova A.V. Kommunikativno→pragmaticeskaya interpretaciya intonacii voprositel'nogo vyskazyvaniya v ustnom yuridicheskom diskurse (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ← kand. filol. nauk. Ivanovo, 2010.
7. Voznesenskaya Yu.V. Skrytye rechevye sredstva vedeniya politicheskoi bor'by v nemeckoi politicheskoi kommunikacii (na materiale debatov v Bundestage) // Vestnik SPbGU. 2010. Ser. 9. Vyp. 1.
8. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. M., 2003.

9. Lakoff R. Stylistic Strategies within a Grammar of Style // Language, Sex, and Gender. Annals of the New York Academy of Science. 1979. Vol. 327.
10. Grais G.P. Logika i rechevoe obshenie // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. M.. Vyp. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika.
11. Sternin I.A. Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problemy ego issledovaniya // Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. Voronezh, 2000.
12. Rozenshtok ➔Hyussi O. Rech' i deistvitel'nost'. M., 1994.

Педагогический институт

Южного федерального университета

12 апреля 2012 г.
